

П. А. Лисовская

РЕПРОДУКЦИЯ ЭПОСА Ю. Л. РУНЕБЕРГА В РОМАНЕ П. К. ЙЕРШИЛЬДА «ПУТЕШЕСТВИЕ КАЛЬВИНОЛЯ ПО СВЕТУ»

Сознательное воспроизведение текста одного автора в тексте другого, относящегося совсем к иной эпохе, является интересным и широко описанным в истории литературы явлением. В данном случае речь пойдет о том, как и с какой целью современный, ныне живущий шведский писатель переработал в своем дебютном романе (1965) сборник поэм национального скальда Финляндии, Юхана Людвига Рунеберга «Сказание фенрика Столя» («Fänrik Ståls sägner», 1848).

Сразу же стоит отметить, что и творчество, и сама фигура последнего писавшего на шведском языке представителя романтизма Ю. Л. Рунеберга неоднозначны. Восприятие его творчества как в Финляндии, так и в Швеции всегда осложняется тем фактом, что именно Рунеберг — автор текста национального гимна страны Суоми «Наш край» («Vårt land») — стихотворения, открывающего «Сказания фенрика Столя». Сами «Сказания» — это произведение, рассказывающее о войне, в частности о войне между Россией и Швецией (1808–1809), в результате которой родина Рунеберга, Финляндия, вошла в состав Российской империи, а сам он стал российским подданным. Естественно, в восприятии этого произведения всегда была сильна политическая составляющая. В описанной в «Сказаниях» войне участвовало много финских солдат, и можно сказать, что в сознании обывателей эта война и до сих пор выглядит как война между Россией и Финляндией, страной, которая получила свою го-

сударственность только в 1917 г. Сначала Рунеберга укоряли за то, что он описывает русских недостаточно кровожадными, затем, что он представляет финнов бедными и простоватыми. В 1960-е гг. на фоне радикализации общественной идеологии в Скандинавии Рунеберга начинают обвинять в милитаризме, национализме, призывах к реваншу. Дело в том, что книга «Сказания фенрика Столя» тогда была хрестоматийной не только в финских, но и в шведских школах. То есть Рунеберг к тому моменту уже более сотни лет был признанным национальным поэтом и в Швеции. Ларс Форшелль, крупнейший современный поэт Швеции, составляя антологию шведской поэзии, высоко оценил язык Рунеберга и указал на то, что именно он «вывел шведскую поэзию из тьмы романтизма»¹.

Роман Йершильда «Путешествие Кальвиноля по свету», по мнению многих, необычное явление в шведской литературе благодаря своей яркости, легкости, размаху и непринужденному юмору — свойствам, скорее нетрадиционным для шведской литературы. Начинается он с искаженной цитаты из стихотворения «Свен Дюва», входящего в «Сказания фенрика Столя». У Рунеберга речь идет о финском солдате и его короткой жизни, завершившейся подвигом. Стихотворение заканчивается похвалой генерала погибшему солдату: «Ett dåligt huvud hade han, men hjärtat, det var gott»², что в переводе означает: «Голова у него была дурная, но сердце доброе». В начале же стихотворения рассказывается, что отец Свена был старым, бедным сержантом восьмидесяти восьмью лет от роду, к тому же отцом девяти детей, из которых младшим был Свен. На вопросы отца: «Что же выйдет из тебя, сынок?», Свен в конце концов ответил, что будет солдатом, и поступил в полк. Пока Свен обучался военной науке, он был всеобщим посмешищем, но в бою отбил в одиночку атаку целого русского взвода, штурмовавшего мост. Образ Свена Дювы, своеобразного финского Ивана-дурака, стал невероятно популярным. Йершильд представляет главного героя своего романа, гротескно цитируя «Свена Дюву»: «Отец Кальвиноля был отставной сержант, бедный и с пошатнувшимся от пьянства здоровьем. За свою жизнь он породил 21 ребенка, и троих младших назвали именем Кальвиноль. Детишки были его военным трофеем, и он приносил их с собой домой

¹ *Mazzarella M. Nationalskald // Johan Ludvig Runeberg i urval. Helsingfors; Stockholm, 2004. S. 380–381.*

² *Runeberg J. L. Fänrik Ståls sägner // Ibid. S. 264.*

во время редких и нерегулярных побывок и отпусков. В своем огромном ранце нес он их домой — на самом деле это была бесформенная ивовая корзина с крышкой... В крышке была круглая дыра для кормления, поэтому можно было крышку не открывать...»³ Нужно заметить, что это лишь один из вариантов рассказа о происхождении Кальвиноля, причем не первый по счету в этой главе.

Колоритная, но лишенная романтического флера фигура фенрика Столя объединяет цикл сказаний о различных эпизодах и героях войны 1808–1809 гг.:

Не без злорадства я глядел
На грубую фигуру,
На неотесанность манер,
Немодную фактуру
Пальто, но был смешней всего
Орлиный нос в пенсне его⁴.

Фенрик Столь — вполне реалистично описанный образ старого солдата, хранящего память о былой войне и передающего рассказы о ней последующим поколениям:

С мечом он рьяно защищал
Родную нашу землю,
Кровь за нее он проливал,
Но мне казался тенью,
Со старым рядом фенриком
Я чувствовал себя царем⁵.

В романе Йершильда о Кальвиноле двенадцать глав, и кроме заглавного персонажа их объединяет тема войны. Что касается Кальвиноля, то, зная кое-что о его происхождении, мы едва ли можем что-либо определенное сказать о его внешности. Однако есть авторский эскиз к обложке романа, на которой изображен худенький человечек в шутовском колпаке и остроносых башмаках, с ретортой в руке: полу-фауст, полу-клоун. Если предметом сборника Рунеберга

³ *Jerskild P. C. Calvinols resa genom världen.* Stockholm, 2003. S. 32. Здесь и далее текст романа дан в переводе автора статьи.

⁴ Фенрик Столь // Рунеберг Й. Л. Избранное / Пер. В. Дорофеева. СПб., 2004. С. 103.

⁵ Там же. С. 104.

является одна конкретная война, то Йершилль делает целую серию головокружительных кульбитов во времени и пространстве. Его герой участвует во всевозможных войнах, причем эти войны отнюдь не выстроены в хронологическом порядке. Первая война, на которую попадает Кальвиноль, — это печально известный крестовый поход детей в XII в. В следующем эпизоде он участвует под именем Кальвен. На этот раз он уже подросток, и, насколько можно понять, действие происходит в школе-интернате, где дети играют в войну. Кальвиноль играет под псевдонимом Монтгомери в военного британского летчика времен второй мировой. Этот эпизод интересен еще и тем, что он единственный в романе, который происходит в Швеции. Секрет — в стилизованном под речь школьников жаргоне; все остальные главы написаны полностью нормативным шведским. Кальвиноль участвует впоследствии и в первой мировой в роли шпиона — эта глава стилизована как шпионский детектив. Жизнь же Кальвиноля заканчивается в 1571 г., в сражении при Лепанто: он героически гибнет на своем военном корабле «Око Аллаха». На этот раз он адмирал и воюет на стороне турок. В романе Йершилль иронизирует над всевозможными войнами и знаменитыми сражениями мировой истории, он пародирует или сатирически изображает традиционный стиль описания войны в литературе и историографии. Единственная война, по поводу которой он не позволяет себе иронии, это Вторая мировая. Она появляется в романе, как мы уже упоминали, только как основа для детской игры и во второй раз уже как бы косвенно, когда героя, которого на этот раз зовут Джулио Кальви, держат в сумасшедшем доме в Копенгагене. Глава эта представляет собой историю болезни человека, который утверждает, что его преследует нацистская партия. Ему никто не верит, в итоге он умирает, а на дворе конец 1920-х гг., т. е. Гитлер уже давно у власти, но в Европе понятия не имеют, чем грозят ей происходящие в Германии события.

Характерные черты эпоса Рунеберга, которые в основу структуры своего романа положил и Йершилль, — это его многослойность и стилистическая многоликость. Стихи в «Фенрике Столе» «полны жизни, пластичны, наполнены юмором, теплом и иронией»⁶. Еще прижизненные критики Рунеберга, которого как обожествляли, так и жестоко осуждали соотечественники, обвиняли его в излишне

⁶ *Mazzarella M. Op. cit. S. 382.*

бурлескном тоне, иногда в использовании грубого юмора и даже ненормативной лексики. И, действительно, «Сказания фенрика Столя» — это подлинное смешение стилей. Интересно, как автор, не стесняясь, переходит от бодрого житейского повествования, часто одобренного довольно грубым юмором, к высокому пафосу, затем вновь к реалистическому рассказу и порой заканчивает все почти экстатической идеализацией. Таковы смены настроения в стихотворении «Свен Дюва», так же сменяются пафос и грустная ирония в одноименном рассказе о маркитантке Лотте Свэрд. Бросается в глаза контраст между анекдотом «Фон Конов и его сержант» и стихотворением «Умиравший воин», в котором речь идет о пожилом русском солдате, умершем у ног молодой финской девушки, ищущей на поле брани своего юного возлюбленного. Рунеберг старается отобразить все грани войны, в том числе такие, как, например, предательство. Стихотворение «Свеаборг» — это проклятие вице-адмиралу Кронстедту, сдавшему этот крепчайший оплот Швеции русским. При жизни Рунеберга оно распространялось только в списках. Автор разворачивает грандиозную панораму исторически второстепенного сражения в стихотворении «Генерал фон Дёбельн на Ютасе». Как патриот и певец своей скромной родины проявляет себя автор в открывающем собрание стихотворении «Наш край», как сатирик — в стихотворении «Король» («Konungen»).

Очевидно, что Йершильд заимствует эту многослойную структуру для своего пастиша. Причем очевидно, что ему близок стиль описания Рунеберга: почти полное отсутствие пафоса ненависти к врагу, которое отмечают многие критики у Рунеберга. Действительно, в «Сказаниях фенрика Столя» воюющие стороны подчас «братаются»: у них нет личной вражды, и те, и другие просто делают свое дело. Йершильд, конечно, еще дальше от милитаристского мировоззрения, чем Рунеберг. В «Путешествиях Кальвиноля» тема войны в мировой литературе и культуре — предмет сатиры. Возможно, Йершильд считал, что поскольку именно войны представляют как главные события мировой истории, занимающие ведущее место в культурно-историческом дискурсе, то эта тема и будет самой благодатной почвой для пародии в его задуманном как мета-роман, первом крупном произведении. Мета-роман не призван отражать действительность — он должен ее создать. И Йершильд нашел это в полной мере в использованном им интертексте. Ведь очевидно, что и Рунеберг не стремился к отражению действительности. К моменту создания цик-

ла в его распоряжении не было достоверного исторического материала о войне 1808–1809 гг. Напротив, представляется, что им двигало идеалистическое стремление создать некую эпическую действительность, оказать тем самым влияние на мировоззрение и самоощущение жителей Финляндии, что, как показало время, ему прекрасно удалось. Задача же Йершильда, наоборот, скорее разрушать литературные и культурологические стереотипы. И он это делает легко, остроумно, блестяще.

В отличие от единственной реальной войны между Швецией и Россией 1808–1809 гг., изображенной у Рунеберга, география и хронология войн, происходящих в романе Йершильда, ничем не ограничены. Мы вместе с главным героем Кальвинолем (чье имя, к слову, рифмуется с именем фенрика Столя) совершаем головокружительные путешествия через века и страны. Однажды Кальвиноль все же участвует в войне, в которой центральное место занимают шведская армия и шведский король Густав II Адольф. К образу Швеции он обращается в момент, когда та играла, пожалуй, самую видную за свою историю роль в Европе, — в эпоху тридцатилетней войны, когда шведская великодержавность достигла своего пика. Мы вновь встречаемся с Кальвинолем в 1633 г. после знаменитой битвы при Лютцене, в которой героически погиб легендарный шведский король Густав II Адольф. В главе «На немецкой земле» Кальвиноль — военный лекарь, он бродит по европейским городам, при этом, поскольку война ведется между католиками и протестантами, в католических городах он демонстрирует жестяное распятие на шее, а в протестантских утверждает, что его назвали Кальвинолем в честь Жана Кальвина. Текст этой главы изобилует множеством увлекательных подробностей того, как и от чего этот шарлатан пользуется своих пациентов, в том числе и офицеров шведской армии, но основным его подвигом станет операция по мумификации, а затем демонстрации тела погибшего монарха перед войсками, ибо ситуация на момент гибели требовала живого короля. Кальвиноль фактически делает чучело из останков монарха, которое надувают, сажают на коня и возят перед войском. Затем даже предлагается зашить в чучело карлика, т. к. Его Величество не может постоянно хранить молчание, но в итоге становится понятно, что надутое чучело короля не сможет вести переговоры, и Кальвиноль превращается в двойника Густава Адольфа. Остается только удивляться особенностям шведского менталитета, ибо никто не подал в суд на молодого писателя за такое издеватель-

ство над монаршей особой и героическими страницами шведской истории. Ведь фигура Густава Адольфа может быть сравнима по масштабу и значению в истории своей страны с фигурой Наполеона или Петра Великого, но Йершильд поступил очень хитро, как бы оставив себе лазейку, мол, «это не я придумал!». Глава «На немецкой земле» заканчивается весьма неожиданно: некий человек, сидящий на стуле, на спинке которого сзади написано «Сесиль Б. Де Мельвиль», благодарит мистера Кальвиноля за великолепную игру. И мы понимаем, что только что «посмотрели» исторический фильм о Тридцатилетней войне!

Это — один из тех «акробатических номеров», которые Йершильд совершает в своем романе. Но в целом пафос этой главы вполне созвучен общему настроению 1960-х гг., когда на пике были антивоенные настроения и в шведской литературе процветало документальное направление, критиковавшее ведшиеся в то время войны. И даже сам давно почивший национальный скальд обеих северных стран Рунеберг стал невольным участником этого движения. В 1976 г. в Шведском театре Хельсинки была поставлена оперетта по мотивам «Фенрика Столя» — жанр, не очень характерный для военно-героической тематики.

«Фенрик Столь» — не единственное рунеберговское творение, которое Йершильд пародирует в «Путешествиях Кальвиноля». Следующая цитата из главы «Большой человек» объяснит, почему этот роман Йершильда не был и не мог быть переведен на русский язык в советское время: «Когда Сталина уже не было в живых, когда Берию на тайной сходке освободили как от его жизни, так и от тех задач, которые он выполнял, когда Молотова кастрировали, Маленков стал директором электростанции, а Хрущев ушел на пенсию по болезни, тогда генеральным секретарем партии стал самый большой человек в России. Его размеры были внушительны. Если он ложился головой на Украину, то левой ногой дотягивался до самой Камчатки, правая же нога оказывалась тогда всего в нескольких десятках километров от Владивостока. Тогда левой рукой он мог заботливым жестом дотянуться до Северного Ледовитого океана так, как будто хотел прижать его к своей груди. Правой рукой он прикрывал Туркмению. А под самым сердцем генсека оказывалась, конечно, Москва»⁷. Далее, по законам сказки, «человек-гора» заболевает, и лечить его призыва-

⁷ *Jerskild P. C. Op. cit. S. 194.*

ют, конечно же, знаменитого доктора Кальвиноля. Действие продолжает развиваться теперь уже по законам научно-фантастического жанра, ибо доктор совершает путешествие внутри гиганта, однако не один, а с прелестной спутницей по имени Надежда — это уже напоминает сюжет фильма о Джеймсе Бонде. Представляется неслучайным выбор именно этого имени для героини. Дело в том, что «Надежда» — это название поэмы, написанной Рунебергом в 1841 г. В поэме речь идет о том, как два молодых дворянина соперничали из-за любви к крепостной девушке Надежде. Действие поэмы разворачивается в России во времена Екатерины II, которая возникает в конце повествования как *deus ex machine* и устраивает судьбы героев. Известно также, что шведы осуждали поэта за обращение к русской теме и период написания «Надежды» принято считать «русофильским» в творческой биографии Рунеберга. Рунеберг был финским шведом, а следовательно, подданным российского императора, который, что немаловажно, назначил ему хорошую пенсию.

Непонятно, сознательно или по ошибке Йершилд вставил лишнюю букву в русское имя героини. Но отметим, что Кальвиноль и Надежда передвигаются на пароходе «Генерал-лейтенант Поскребышев», а когда им нужно выбраться на поверхность, им приходится с помощью топора прорубать себе путь через заросшую левую ноздрю пациента. В конце этого веселого абсурда Кальвиноля награждают звездой Героя Советского Союза, а потом оказывается, что он сам, как орден, висит на обильно украшенной орденами груди генсека и с тоской смотрит на виднеющиеся вдаль Альпы, за которыми скрывается милая его сердцу Женева. Понятно, что Надежда — сотрудница КГБ, искренне полюбившая вверенного ей для слежки иностранца. Это тоже, без сомнения, один из наиболее распространенных мифов времен холодной войны и мотивов голливудского кино.

Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что подобное появление поздне-романтического интертекста в экспериментальном романе середины 1960-х гг. представляет собой яркий, но, тем не менее, поддающийся рациональному объяснению с историко-литературной точки зрения феномен.

Дело в том, что Йершилд относится к поколению шведских писателей, родившихся в 1930-е гг. и получивших образование в 1950-е гг. Многие из них дебютировали в начале 1960-х гг., когда во всей Скандинавии и в Швеции в частности начиналась эпоха экономического

расцвета и «северноевропейского социализма», т. е., время, исключительно благоприятное для творческой реализации талантливых личностей. В плеяде писателей, ровесников Йершильда обычно включают Пера Улова Энквиста, Свена Дельбланка, Ларса Густафссона. Все эти писатели очень разные, и вряд ли оправданы попытки объединить их под одним литературным знаменем, однако уже в середине 1960-х гг. Оке Янсон, рассуждая в своей статье о возвращении в шведскую литературу фантастических элементов, предложил называть их «упсальскими фантазерами»: все они учились в крупнейшем в Швеции Упсальском университете⁸. Именно в Упсале, студенческом городе, на родине шведского романтизма, они, вероятно, и «заразились» духом фантастики и противопоставили свое творчество «антилитературной» эстетике и сухой объективности нового французского романа. Кроме того, одним из центральных явлений в шведской культуре 1960-х гг., несомненно, наложившим свой отпечаток на творчество писателей послевоенного поколения были так называемые дебаты о «безверии» («trolöshet»), или, если использовать более общий термин, деидеологизации культуры и искусства. Еще в сороковые годы в связи с политикой нейтралитета в Швеции широко обсуждался вопрос о так называемой третьей позиции, или третьей точке зрения, т. е. политике неприсоединения к военно-политическим блокам, а в шестидесятые идеология культурно-философского нейтралитета уже сформировалась, но относилась в основном только к сфере культуры и искусства. Литературовед из Упсалы Биргитта Янссон в диссертации середины 1980-х гг. характеризует это новое «деидеологизированное мышление» следующим образом: «Оно [мышление] в начале 60-х, помимо всего прочего, сосредоточено на конкретном индивиде, причем в дальнейшем на этом горизонте появятся и некоторые социальные амбиции, например дискуссия об “углублении демократии”. Новое поколение не протестует против системы — оно, напротив, в основном лояльно к обществу всеобщего благоденствия, хотя и считает, что формирование идеалов отстает от общественного развития в целом»⁹. Действительно, творчество такого писателя, как Йершильд, немыслимо без прорыва и победы

⁸ См.: *Håkansson G. Förord // Jerskild P. C. Calvinols resa genom världen. Stockholm, 2003. S. ix.*

⁹ *Jansson B. Trolösheten. En studie i svensk kulturdebatt och skönlitteratur under tidigt 1960-tal // Skrifter utgivna av Litteraturvetenskapliga Institutionen vid Uppsala Universitet. 1984. N 18. S. 2.*

именно такого общественного устройства, которое оказывается идеальной мишенью для насмешек и иронии писателей. Впоследствии уже другие книги Йершильда станут классическими образцами сатиры на шведскую бюрократию, но в 1960-е гг. писатель еще молод и ищет себя, и, видимо, в процессе этого поиска ему удастся создать роман, не имеющий аналогов в шведской литературе. В «Кальвиноле» очень ярко и масштабно проявляется его талант сатирика.

Йершильду доставляет видимое удовольствие иронизировать по поводу военной тематики и патриотизма, тем не менее, как мы уже отмечали, в неменьшей степени его привлекает стилистическое разнообразие рунеберговского цикла. И это говорит о том, что молодой писатель по достоинству оценил талант своего финского предшественника. Ведь если бы ему хотелось просто поиздеваться над шведским великодержавным шовинизмом, он мог бы мастерски это сделать, взяв за основу произведения неоромантика, одного из первых нобелевских лауреатов Вернера фон Хейденстама (1859–1940) о войнах Карла XII («Karolinerna»).

Последнее замечание хочется сделать о названии романа Йершильда. В заголовок «Путешествие Кальвиноля по свету» просто напрашивается слово «удивительное». Особенно это слово хочется добавить уже после знакомства с феерическим «полетом» героя через века, страны, литературные традиции и жанры. Трудно себе представить, что Йершильд совсем не хотел «передать привет» создательнице Нильса Хольгерсона в своем первом столь успешном романе. Но собственной персоной Нильс появится в романе Йершильда уже двадцатью годами позднее. Роман так и называется «Хольгерсоны», и это уже образец раннего шведского постмодернизма.